
ЭТИКА

И. А. АВДЕЕВА

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

Проблема исторической ответственности, судя по дискуссиям в публичном пространстве и возросшему количеству исследований на эту тему, не просто не теряет своей актуальности, а набирает популярность. Однако ряд вопросов в связи с разработкой данной темы остаются по-прежнему весьма сложными для комплексного анализа. Целью этой статьи является рассмотрение объекта исторической ответственности. Как было уже неоднократно отмечено, проблема исторической ответственности имеет много аспектов и ракурсов рассмотрения, которые следовало бы обозначить в качестве парадигмальных исследовательских полей, выстраивающих объект исторической ответственности как сложный и разноплановый (этический, социокультурный, аксиологический, эпистемологический, правовой и т. д.). Тем не менее разноплановость объекта исторической ответственности отнюдь не снижает ее концептуального статуса, а, скорее, наоборот, укрепляет в необходимости его дальнейшей разработки как в теоретическом, так и в практическом отношении. Мы имеем дело с так называемыми гибридными объектами, возникающими и развивающимися на стыке сфер человеческого бытия (социальной, культурной, психической) и конструируемыми как развивающиеся и расширяющие свою семантику артефакты в векторе прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: *ответственность, историческая ответственность, объект и субъект исторической ответственности, этика, история, вина, прошлое.*

The problem of historical responsibility, judging by the discussions in public space and the increasing amount of research on this topic, not only pre-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00421).

serves its relevance but gains more popularity. However, a number of questions related to the development of this topic are still very difficult for a comprehensive analysis. The purpose of this article is to consider the subject of historical responsibility. As it has already been noted, the problem of historical responsibility has many aspects and perspectives that should be defined as paradigmatic research fields that develop the complex and diverse (in ethical, sociocultural, axiological, epistemological, and legal and other terms) subject of historical responsibility. Nevertheless, the diversity of the subject of historical responsibility does not at all reduce its conceptual status, but on the contrary, rather reinforces the need for its further development, both in theoretical and practical aspects. We deal with the so-called hybrid subjects emerging and developing at the junction of spheres of human existence (social, cultural, and mental) and developing and expanding their semantics artifacts in the vector of the past, present and future.

Keywords: *responsibility, historical responsibility, object and subject of historical responsibility, ethics, history, guilt, the past.*

Проблема исторической ответственности, судя по дискуссиям о ней в публичном пространстве и возросшему количеству исследований на эту тему, не просто не теряет своей актуальности, а набирает популярность. Вопрос об исторической ответственности актуализируется в XX в. в связи с происшедшими и происходящими историческими событиями, вызванными ими социокультурными пертурбациями, а также в связи с постановкой ряда системных и частных вопросов в сфере научно-исследовательского интереса к указанной теме. Однако ряд вопросов в контексте ее изучения остаются по-прежнему весьма сложными для комплексного анализа.

Как было уже неоднократно отмечено исследователями в России и за рубежом (П. Рикёр, Г. Йонас, Х. Арендт, Ф. Раффул, Дж. Рик, А. Буллер, А. А. Линченко, А. В. Прокофьев, В. А. Кемеров, Е. В. Беляева и др.), проблема ответственности в ее общем аспекте и конкретно в вопросе об исторической ответственности имеет много подходов и ракурсов рассмотрения, которые следовало бы обозначить в качестве парадигмальных исследовательских полей. Остается дискуссионным вопрос о методологии исследования теоретического и практического полей данной проблемы, об их соотношении, а также вопрос объекта исторической ответственности. Последний представляет не меньший интерес, чем вопрос

о субъекте исторической ответственности. Сосредотачиваясь в основном на определении субъекта исторической ответственности, что, в общем-то, традиционно для исследования ответственности как практической (в основном политической и правовой) проблемы, стоящей перед человеком и человеческими общностями уже несколько тысячелетий¹, и пройдя через всевозможные бинарные оппозиции («свой – чужой», «мы – они», «власть – народ», «богатые – бедные», «враги – друзья» и т. д.), мы наконец подошли к тому, что с трудом вписывается в бинаризм (как мировоззренческий, так и научно-исследовательский) и формирует полисемантические рассуждения об исторической ответственности. Попробуем рассмотреть этот аспект формирования объекта исторической ответственности и выделить, какие векторы дальнейшего исследования возможны в этой связи.

Понятие исторической ответственности предполагает в первую очередь рассмотрение самой ответственности в ее этико-правовом содержании, которое и является основным. Затем, обращаясь к понятию «историческая», мы достраиваем базовое содержание соответствующим объектом, на который распространяется этико-правовая ответственность, – историей. И сразу же возникает нагруженность смысловых полей: не все однозначно в этическом содержании понятия «ответственность», тем более нет определенности в понимании ее исторического значения. Во вторую очередь речь может идти об ответственности за действия, предполагающие как вмешательство человека в ход исторических событий, так и конструирование последовательности исторических событий. И тогда речь идет уже о вкладе человека в историю, исторический процесс, участии в исторических событиях (ответственность за событие) и затем создании отношения к историческим событиям и процессу (ответственность за отношение к ним).

На наш взгляд, можно условно выделить две парадигмы возможного понимания самой исторической ответственности. Пер-

---

¹ Вопросы «кто виноват» и «кого наказать» возникли одними из первых в самых ранних попытках регуляции человеческой жизни и подразумевали в целом достаточно узкий круг ответственных лиц, перечислить который особого труда не представляло.

вая – собственно этическая, которая выстраивает все последующие рассуждения об исторической ответственности в проекции исключительно этической доминанты. Здесь актуализируются именно деонтологический аспект и автономия этического над прочими аспектами действия. Вторая – функциональная, которая предполагает равнозначность этического аспекта с прочими и зависимость исторической ответственности от его применимости и функциональности. В этом случае объектом нашего рассмотрения становятся вариации того, как и при каких обстоятельствах происходил сам процесс создания и актуализации исторической ответственности как социального конструкта, имеющего определенное назначение, функцию и определенную цель. Это отнюдь не значит, что этическое здесь пропадает, обесценивается или уходит на задний план. Однако в этическом отношении здесь телеология определяет все возможные этические аспекты осмысления исторической ответственности, предполагая поиски ответа на вопрос, зачем, для чего/кого и как создается этот социальный конструкт². Во втором случае у нас опять появляется соблазн уйти от этического в область политического. К примеру, с точки зрения истории как разворачивающегося во времени и пространстве процесса взаимоотношения различных человеческих общностей войны неизбежны (а с точки зрения этики – это зло и одна из крайних форм насилия, которого надо избегать всеми возможными средствами. В первом случае мы начинаем искать оправдание подобных форм насилия, а во втором – доказывать внеисторическую ценность ненасилия как аксиомы любых человеческих отношений³. Первая парадигма предполагает выявление и установление самоценности человеческой ответственности, а следовательно, и исторической ответственности как проекции этического вообще применительно к социальной практике человеческого бытия, коей является исторический процесс, вторая же исходит из целесообразности и результативности создания этического содержания внутри нашего знания об историческом

---

² Это две стороны в изучении каждого явления, имеющего отношение к этике: как нравственная структура сама по себе и как структурный интерес.

³ Этика самоценных смыслов и этика последствий.

процессе с определенной целью⁴. В дискурсах об исторической ответственности эти подходы присутствуют в разных вариациях, в том числе и в рассуждениях об объекте исторической ответственности. Рассмотрим некоторые из них.

Если ответственность как этическая проблема отсылает нас к исследованию содержательных полей этических смыслов и истории их формирования (теоретический ракурс проблемы), то историческая ответственность – к конкретным практическим моментам реализации ответственности, связанным с историческим процессом (практический ракурс проблемы здесь первичен). Однако в обеих плоскостях присутствует признание социального содержания ответственности: в первом случае ответственность становится предметом социальной этики и рассматривается в контекстах других этических категорий (справедливость, вина, свобода и др.), во втором – ответственность связывается с участием и местом человека в историческом процессе⁵ и непосредственном конструировании социальной реальности через практическую деятельность в области культуры, политики, экономики, экологии и другого через призму морали. И сразу же мы видим здесь область возможных интерпретаций объекта исторической ответственности в отличие от субъекта, в качестве которого выступает человек или некая человеческая общность. Объектом в одном случае будут выступать поступки человека и человеческая деятельность, а в другом – более конкретные вещи, конструирующие иной путь рассуждения об объекте этой ответственности, – экологические и гуманитарные катастрофы, войны, установление диктатур и антигуманистических (тоталитарных, авторитарных и др.) режимов, разрушение культур, дискриминации и т. д. Здесь и начинаются процессы социально-этиче-

---

⁴ Здесь можно привести в пример встречающееся в философской этике мнение, что там, где начинается включенность человека в социальные практики, заканчивается человек. Вследствие чего собственно этическую ответственность нельзя выводить из практик, а только из человека.

⁵ В данном случае мы исходим из предпосылки не столько об активности субъекта и его участия в историческом процессе, сколько об участии субъекта в организации знания об исторической (социальной) практике (в социальной эпистемологии эта позиция представлена школой, называемой *Sociological Social Epistemology*, или SSE, одним из основателей которой является С. Фуллер).

ского реконструирования и конструирования объектов разных уровней и содержательных полей, относящиеся к формированию целостного представления об объекте исторической ответственности. Таким образом, сама историческая ответственность как социальный конструкт нуждается в некоей реконструкции, которая позволила бы нам в дальнейшем предпринять попытку системного исследования как исторической ответственности в целом, так и ее объекта.

Историческая ответственность как социальный конструкт не предполагает однозначного определенного и стабильно закрепленного содержания, как бы мы ни пытались определить ее через понятия «добродетель», «социальная обязанность», «добровольно взятое на себя обязательство» и др. Это прежде всего отношение. Безусловно, историческая ответственность существует и может быть определена в совокупности интерпретаций через указанные смыслы, однако прежде всего необходимо задуматься о различных модусах социального конструирования самого отношения. С точки зрения социальной эпистемологии С. Фуллера, мы живем в мире созданных артефактов, которые разнородны и составляют определенные системы [Фуллер 2012]. Несовершенство созданных нами артефактов мы компенсируем тягой бесконечно развивать себя, человека, как артефакт особого рода, пределы совершенствования которого недостижимы. «Когнитивная археология позволяет нам по-новому понять истинный свет “эффективности артефакта” путем различения надежных и ремонтпригодных систем» [Там же: 87]. Оптимистичные доктрины прогресса основаны на концептуализации человеческих артефактов – и людей как артефактов, которые надежны в вышеупомянутом смысле устойчивости и неизменности. Человеческое сознание обречено на ошибки, но это различие, видимо, и сыграет решающую роль в судьбах мира – если иметь в виду сохранение человеческого рода. В таком подходе историческая ответственность конструируется как элемент системы, давшей ошибку, которую необходимо исправить. Тогда объектом исторической ответственности будут выступать «исторические» ошибки как сбои социально-исторического процесса, создаваемого людьми.

Мы действительно в определенном смысле являемся носителями некоего онтологического понимания бытия как реализации креативной активности человека по отношению к самому бытию или со-бытию. В этом плане историческая ответственность – весьма показательный конструкт: если мы подчинены цепи детерминации, в том числе исторической, то никакой активностью мы не обладаем и неспособны к конструированию чего-либо вообще и к какой-либо ответственности в частности, а если мы обладаем свободной активностью (как бы мы ее ни характеризовали – социальной, политической, метафизической или даже божественной), то способны сами изменять действительность. В этом смысле многие этические рассуждения о свободном волеии, как и рассуждения о «ложной невинности безответственности», вписываются в общую парадигму объективного существования самой ответственности. Другими словами, обладая определенным статусом артефакта и творящего существа, человек не может не распространять эту активность на все созданные им артефакты и на себя как особый артефакт, создавая особые миры артефактов, существующих объективно. В этом плане объектом исторической ответственности, вписанной в мир артефактов, являются все результаты человеческой деятельности и сам человек. Исторический процесс в этом ключе тоже будет пониматься не как арена действий «неведомых и невидимых» сил, а как процесс деятельности людей в пространственно-временном континууме, в котором человек системно осваивает материальную действительность, создавая артефакты как исторические реалии. Объектами исторической ответственности будет все, что было создано и дало сбой – политическая власть, этические категории и их содержание, социальная «машинерия», культурные смыслы, наука, экологические и финансовые кризисы и пр. При этом тенденция перевода системы в более надежный статус присутствует с неизбежностью.

Другой модус понимания объекта исторической ответственности возникает, когда мы пытаемся строить семантические ряды понятия «историческая ответственность». С учетом определения от-

ветственности⁶ в качестве объекта (то есть иным) называются другие люди, в том числе будущие поколения, общности, а также животные, окружающая среда, материальные, социальные и духовные ценности и т. д. Вслед за Г. Йонасом, выделявшим два вида ответственности (естественную и контрадикторную как «ответственность перед...» и «ответственность за...»), мы вполне способны эксплицировать эту посылку на объект исторической ответственности. В данном контексте мы не касаемся вопросов субъекта ответственности, хотя здесь тоже немало проблемных моментов (вопрос об индивидуальной и коллективной ответственности и их значениях)⁷, безусловно, в исследовании природы исторической ответственности необходимо учитывать и этот аспект.

Ракурс «ответственности перед...» определяется также двумя векторами: вектором субъект-объектного взаимодействия (перед законом, перед государством и др.) и вектором субъект-субъектного взаимодействия (кто-то отвечает перед кем-то: перед другим человеком, людьми, народом...). Однако вариант устойчивой схемы правовой ответственности перед законом зачастую теряет свою значимость, когда в исторической перспективе или ретроспективе мы наблюдаем неустойчивость права как продукта законотворчества людей в определенные исторические периоды. В случае этического варианта ответственности (перед моралью) это выглядит вообще как оксюморон, поскольку свобода и рациональность морального воления, свойственная западноевропейской философской этике, вновь и вновь возвращает нас к субъекту морального действия и лишь усиливает субъект-субъектный вектор исторической

---

⁶ «Ответственность – отношение зависимости человека от чего-то (от иного), воспринимаемого им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему» [Этика 2001: 342].

⁷ Так, например, А. В. Прокофьев говорит о совокупной и заместительной коллективной ответственности; В. Е. Кемеров, исследуя вопросы, кто несет ответственность, перед кем и в какой ситуации, особо обращает внимание на то, что опасным упрощением является переносить ответственность индивида на ответственность государства, а ответственность государства – на ответственность этноса; может ли личная ответственность стать исторической ответственностью (в контексте работ Х. Арндт) и др.

ответственности. Хотя с точки зрения пространственно-временных координат исторического процесса можно быть ответственным перед своей социальной общностью, национальной общностью, перед народом, перед прошлыми поколениями и будущими (в случае гетерономной морали), однако в этическом плане (с точки зрения автономной этики) именно сам субъект является отправной и конечной точкой подлинно ответственного морального действия. А все, чему мы можем приписать характер объекта (например, прошлые и будущие поколения, будущее или прошлое в самой общей формулировке), в содержательном отношении все равно склонно приобретать значение субъекта и склонно к субъективации. Это возвращает нас к личностной морали, наполненной конкретными, а не абстрактными смыслами, подвигающими к действию, а не просто созерцанию. Бездействие как вариант морального поведения здесь становится недопустимо. И этот последний вариант приводит нас к рассуждению об исторической «ответственности за...». Это ответственность за все, что делает человек вообще, и за то, что делает каждый в частности (при условии его включенности в социально-политические и историко-культурные процессы). Такой подход стал актуален во второй половине XX в. Именно анализ бед и проблем, представленных нам в виде исторических уроков, заставляет нас устойчиво ассоциировать историческую ответственность с работой по исправлению исторических «ошибок»⁸, и прежде всего через этические контексты вины и покаяния. Это сейчас доминирующий ракурс многих рассуждений об исторической ответственности (за нацизм, за расизм, за изменение климата, за ядерные катастрофы и т. д.). Однако идеи исторической ответственности «без вины» встречаются гораздо реже.

Трудно не согласиться с Е. В. Беляевой [2016], что подобная стратегия является деструктивной, поскольку усиливает значимость конфликта и является фактором углубления всякого рода оппозиционных отношений в реализации исторической ответственности. Так возникает представление о негативной и позитивной

---

⁸ Необходимо отметить, что западноевропейские общество и культура, где рождается данная идея, сами к этому времени достигли такого состояния, когда вообще оказалась возможной эта рефлексия (развитие гражданского общества).

исторической ответственности, выводя нас в плоскость аксиологического контекста исторической ответственности. Негативная относит нас к тому, что считается ошибочным, и в конечном итоге злом, а позитивная – к тому, что считается добром. Безусловно, и добро, и зло могут иметь исторический контекст, являясь некими объектами человеческих устремлений. Здесь возникает этический парадокс, связанный с определением сущности исторической ответственности, – появляясь как следствие зла, она каким-то образом направлена на то, чтобы вывести социально-исторический процесс в область добра (позитивного). Она возникает в ответ на то, что признается неправильным, что не проходит своего рода исторической и культурной верификации (политика тоже подвергается подобной верификации). Историческая ответственность ложится на ее субъекта за те ценности, которые создаются, и те ценности, которые разрушаются, за социальные институты и культурные институции, которые с ними связаны, за результаты и исторические уроки, которые мы имеем. Как отмечает Е. В. Беляева, позитивная историческая ответственность принадлежит культуре. Продолжив эту мысль, можно сказать, что она принадлежит прежде всего соционормативной и гуманитарной культуре, возникает не только как этическая реакция на историческую память и аксиологическая проекция этой памяти в настоящее и будущее, но и как процесс исторической актуализации ценностей вообще. Более того, историческая память в этом контексте начинает выходить за пределы понимания ее как социального конструкта и, возвращая нас к осмыслению онтологических статусов явлений, не позволяет исторической памяти превращаться в собрание метанарративов и диспозитивов, открывая и актуализируя коммуникативные аспекты названных процессов, когда возникает «разделенная совместность» [Арендт 2013], позволяющая выйти из противостояний, диктата власти и обезличенности.

Более того, сама историческая ответственность становится критерием оценки исторических ситуаций в границах сообществ и вне их. И тогда объектом исторической ответственности делается само историческое событие, так же как поступок становится объектом моральной оценки. Именно моральная (не правовая) оценка исто-

рических событий позволяет говорить о наличии или отсутствии исторической ответственности в них и в дальнейшем делать выводы об «усвоенности/неусвоенности» исторических уроков. Этот оценочный фактор не содержится прямо в исторической ответственности как социальном конструкте, но позволяет практически использовать его как основание суждений по отношению к различным историческим практикам и историческому опыту, как прошлому, так и недавнему. Он же позволяет выстраивать парадигмы исторического будущего. Оценка сегодняшнего с точки зрения исторической ответственности как перед будущим в онтологическом смысле (за судьбы мира), так и перед будущим в социокультурном смысле (как ответственность перед будущими поколениями за то культурное достояние, которое они примут) снова вносит коррективы в наши рассуждения об объекте исторической ответственности. В том числе с позиций оценки вектора развития сегодняшней ситуации. И в этом отношении историческая ответственность не допускает никаких рассуждений о том, что заслуживает права на существование, а что заслуживает права на забвение – важно все, что позволяет нам выстроить позитивную или негативную аксиологию исторических ситуаций и событий прошлого, настоящего и будущего в пространстве единого исторического процесса.

В XX в. появляется осознание глобального статуса ответственности в целом. Историческая ответственность как частный вид ответственности тем не менее существует в русле глобализации ответственности в целом, перестает носить частный характер отношения к историческому процессу, но приобретает глобальный статус ко всему, что касается процесса существования и деятельности человеческого сообщества. С разных сторон и по-разному об этом говорили многие философы (А. Швейцер, Д. Бонхёффер, С. де Бовуар, Э. Левинас, Г. Йонас и др.). Историческая ответственность становится вариантом глобальной ответственности в наше время, эпоху динамизма социальной жизни, повышенных рисков, опасности для мира в целом и для мира человека (жизненного мира), сопровождающуюся изменением морального сознания и поведенческих практик. В этих практиках важное место занимает исторический дискурс по поводу различных событий, особенно политиче-

ских. Встает важная задача соединения всех дискурсов в публичном пространстве. Это требует создания надежных системных социальных конструктов. Однако системообразующие конструкты прошлого (как, например, «национальная идея»), несмотря на многочисленность своих сторонников, тем не менее не находят отклика в глобальном коммуникативном пространстве. Идея же исторической ответственности получает иной статус вне наших локальных интересов (в этом плане показательно бытующее устойчивое выражение «История нас рассудит»). Происходит это в том числе и в связи с расширением поля смыслов исторической ответственности за счет содержательного расширения ее объекта. В частности, желая подчеркнуть важность политической или публичной моральной ответственности, мы в качестве аргументации часто прибегаем к подчеркиванию исторического смысла, что снимает возможность преследования сиюминутных интересов и субъективных целей.

Расширение понимания объекта исторической ответственности часто влечет расширение его содержательного поля, перенося границы социально-этического до поля метафизических смыслов. Мы имеем дело со сложным объектом, относящимся к тому типу объектов, которые Н. С. Розов называет гибридными [Розов 2012], возникающими и развивающимися на стыке сфер человеческого бытия (социальной, культурной, психической). Таким образом, историческая ответственность – это не просто социальный конструкт, но сложный социальный и эпистемологический феномен. Однако разносторонность объекта исторической ответственности отнюдь не снижает ее концептуального статуса, а, скорее, наоборот, укрепляет в необходимости его дальнейшей разработки как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Литература

Арендт Х. Коллективная ответственность / Х. Арендт // Ответственность и суждение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. С. 205–217.

Беляева Е. В. Историческая ответственность за добро // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сб. науч. ст. I междунар. науч. конф. 22–23 сентября 2016 г. / под общ. ред.

Т. А. Томильцевой, И. А. Симоновой. Екатеринбург : Деловая книга, 2016. С. 100–106.

Розов Н. С. Полипарадигмальная онтология и ритуально-институциональная концепция бытования и исторического развития артефактов // *Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира* / под ред. О. Е. Столяровой. М. : Дело, 2012. С. 90–112.

Фуллер С. Природа как артефакт – и что значит быть человеческим существом // *Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира* / под ред. О. Е. Столяровой. М. : Дело, 2012. С. 80–89.

Этика. Энциклопедический словарь / под общ. ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001.